

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-76-94

**«Дело жизни»: профессиональная доминанта
мемуарного текста Ю. М. Лотмана**

Марина Александровна Лаппо

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

marine.lappo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4335-5181>

Аннотация

Статья посвящена изучению влияния профессионального сознания автора на замысел военных рассказов «Не-мемуары». Установлено, что ведущая идентичность Ю. М. Лотмана (филолога, ученого) подчиняет себе основное повествование о службе во время войны. Это проявляется в таких существенных структурных регистрах текста, как его композиция, средства когезии и стилистическая дистрибуция. Так, например, выявлено, что при описании военных ситуаций автором используются различные способы сравнений и аналогий, а к описанию мирной жизни, т. е. учебы и работы, привлекаются немногочисленные метафоры. Особое внимание в работе уделяется исследованию маркеров фокусного внимания, речевых элементов эмоциональной значимости в тексте. Анализируются основные черты языковой личности Ю. М. Лотмана, такие как стилистическая гибкость, куртуазное речевое поведение, установка на адресата и просветительский характер повествования (понятность, доступность, полнота, логичность изложения), эмоциональность и искренность.

Ключевые слова

языковая личность, полнофункциональный речевой тип, куртуазная языковая личность, мемуарный текст, фокусное внимание, дискурсивные маркеры, стилистическая дистрибуция, смысловая доминанта текста, Ю. М. Лотман

© Лаппо М. А., 2026

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 76–94

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2026, no. 1, pp. 76–94

Для цитирования

Латто М. А. «Дело жизни»: профессиональная доминанта мемуарного текста Ю. М. Лотмана // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 76–94. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-76-94

“The work of a lifetime”: the professional dominant in Yuri Lotman’s memoir

Marina A. Lappo

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

marine.lappo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4335-5181>

Abstract

The military stories “Non-Memoirs” are Yu. M. Lotman’s only actual memoir text. This article studies the influence of the author’s professional consciousness on the concept of the “Non-Memoirs.” It has been established that Lotman’s primary identity as a philologist and a scholar takes precedence over the main narrative of his wartime experiences: the author views everything he describes, including war, university, school and his Jewish descent, through the lens of his profession. This is evident in the text’s essential structural elements, such as its composition, cohesion and the stylistic distribution of recurring elements. It was found that, firstly, when describing military situations, the author uses various methods of comparison and analogy, such as subordinate comparative, participial phrase, grammatical predicate with comparison and independent clause with semantics of assimilation. When describing peaceful life, i.e. study and work, however, only a few metaphors are used. Secondly, it was found that various techniques are only used to mask obscene language when describing war, as well as a natural transition to colloquial and vernacular vocabulary. Thirdly, various markers of positive focus and speech elements of emotional significance are only used in the text when describing his professional interests, namely linguistic means of describing positive emotions and evaluations and lexemes with semantics of intensity or exclusivity. The main features of Yu. M. Lotman’s linguistic identity are analyzed, including stylistic flexibility, courteous speech behavior, focus on the addressee and the educational nature of the narrative (e.g. clarity, accessibility, completeness, and logical presentation), as well as emotionality and sincerity.

Keywords

linguistic identity, full-functional speech type, courtly linguistic identity, memoir text, focal attention, discursive markers, stylistic distribution, semantic dominant of the text, Yu. M. Lotman

For citation

Lappo M. A. "The work of a lifetime": the professional dominant in Yuri Lotman's memoir. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2026, no. 1, pp. 76–94. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-76-94

Языковая личность Ю. М. Лотмана становилась предметом лингвистического описания лишь фрагментарно: диссертация В. Я. Парсамоной была посвящена лингвистической специфике его эпистолярия [Парсамова, 2004], рассмотрены некоторые его работы в качестве иллюстративного материала для установления критериев полнофункциональной языковой личности [Лаппо, 2014], анализировалась академическая языковая личность на материале его научно-популярного дискурса [Салимова, 2020]. При этом Л. М. Салимова справедливо поставила вопрос о том, что «в качестве одной из важнейших задач... можно назвать создание типологии языковых личностей, построенной на основе различий в стилях мышления, в путях развития коммуникативной компетенции» [Салимова, 2014, с. 98]. К этому можно добавить: построенной на основе разных типов речевой деятельности и коммуникативных задач.

Военные рассказы «Не-мемуары» — единственный собственно мемуарный текст ¹ Ю. М. Лотмана. Е. А. Погосян пишет в своем небольшом предисловии к книге, что «осенью 1988 года Юрий Михайлович неохотно и с большим количеством оговорок согласился начать диктовать свои воспоминания, но за недостатком времени этот замысел постоянно откладывал. Диктовать „Не-мемуары“ он начал только в декабре 1992 года» ². И действительно, этот текст сложно отнести к типичным воспоминаниям, когда «стереотип убивает именно событийный потенциал дискурса, сохраняя его форму, а в ряде случаев и украшая ее различными риторическими

¹ Собственно мемуарный текст — воспоминания монологического характера, т. е. это не ответы на вопросы в интервью и не переписка.

² *Лотман Ю. М. Не-мемуары // Лотман Ю. М. Воспитание души: Воспоминания. Беседы. Интервью: В мире пушкин. поэзии (сценарий): Беседы о рус. культуре. Телевизион. лекции. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. С. 8.*

средствами» [Силантьев, Шатин, 2014, с. 11]. Автор борется здесь со стереотипом дискурса воспоминаний, начав с нетривиального заголовка — «Не-мемуары». Ю. М. Лотман смотрит на всё, что описывает (войну, университет, школу, еврейскую национальность), сквозь призму своей профессии. Рассмотрим, как профессиональная доминанта личности подчиняет себе основную линию повествования (военную), какое влияние она оказывает на разворачивание описания войны, какие ресурсы языка при этом задействуются. Смысловая доминанта текста фиксируется в трех направлениях структуры текста — в его композиции, маркировании значимости и стилистической дистрибуции повторяющихся элементов.

Начало и конец текста, являясь сильными позициями текста, задают вектор его понимания. Вступление в «Не-мемуарах» связывает ведущую жизненную линию автора (филологию) и военную тему: *В тридцать девятом году Ворошилов заявил в одном из выступлений — я сейчас не помню в каком, — что отсрочка, которую получают студенты, несправедлива, и все студенты были лишены ее. Я учился на первом курсе филологического факультета, на отделении русского языка и литературы*. И далее, преимущественно в хронологическом порядке (в редком случае используется проспекция или интроспекция), описываются события его жизни — учеба на филологическом факультете Ленинградского университета, до 1940 года, когда в начале 2 курса Ю. М. Лотман был призван на фронт связистом артиллерии; служба до окончания войны; восстановление в университет и его окончание; работа в Тарту.

Практически в самом конце «Не-мемуаров» Ю. М. Лотман пишет: «Издание первого тома „Записок“ было мотивировано конгрессом славистики, однако в дальнейшем (и тут следует сказать спасибо ректору Клементу) нам удалось *de facto* завоевать себе право на ежегодное издание целого тома „Трудов по русской и славянской филологии“, причем в значительно расширенном объеме. А через некоторое время мы добились разрешения на основание еще одной самостоятельной серии — серии семиотических трудов, которые сделались *одним из основных дел нашей* — Егорова, Зары Григорьевны и моей — *жизни...*»³. Финал «Не-мемуаров» никак не связан войной, в нем речь идет о научной школе семиотики (ниже будет дан комментарий этого фрагмента).

³ Там же. С. 50. (Здесь и далее полужирным выделено нами. — М. Л.)

Основное внимание в тексте уделяется рассказу о военной службе Юрия Михайловича, что занимает около $\frac{3}{4}$ текста. Лексико-семантический и семантический повтор как средство когезии [Гальперин, 1981] позволяет выявить смысловую доминанту «Не-мемуаров». Так, самыми частотными оказались лексемы *война* (87), *слово* (41), *фронт* (38), *армия* (29), *немецкий* (29), *Зара* (26), *командир* (21), *литература* (19), *Тарту* (17). Общий объем лексико-семантического поля «Война» — более 700 словоупотреблений (лексемы *война*, *фронт*, *армия*, *немецкий*, *немец*, *военный*, *командир*, *самолет*, *линия*, *окружение*, *отступление*, *полк*, *пушки*, *батарея*, *пикировать*, *Гитлер* и др.), а лексико-семантического поля «Филология» — более 420 словоупотреблений (лексемы *слово*, *Тарту*, *литература*, *язык*, *Пропт*, *Пушкин*, *Карамзин*, *Толстой*, *университет*, *читать*, *говорить*, *писать*, *научный*, *семиотика*, *рукопись* и др.). Мы видим существенное преобладание как в составе (развернутости ряда), так в количестве словоупотреблений слов лексико-семантического поля «Война». Несмотря на это, ведущая, доминантная идентичность, проявляющаяся, реализующаяся в данном тексте, — профессиональная деятельность филолога, ученого. Каким образом Лотману удается этого добиться?

Т. Г. Винокур утверждала, что анализ речевого поведения носителей языка в социостилистическом аспекте позволил бы «сократить дистанцию между изучением языка и теми, кто им пользуется» [Винокур, 1993, с. 3]. Лингвистический анализ «Не-мемуаров» позволяет увидеть осознанный выбор автором тех или иных стилистических средств языка и описать его речевое поведение как осознанное⁴, намеренное. Ср. с квалификацией речевого поведения Лотмана в письмах как творческого, доверительного и осознанного [Парсамова, 2004].

Одним из приемов стилистической дистрибуции в рассматриваемом тексте является использование так называемых маркеров значимости. В лингвистике довольно детально описаны метатекстовые элементы,

⁴ По Н. П. Перфильевой, осознанное речевое поведение характеризуется высокой коммуникативной компетенцией Говорящего, «которая позволяет ему выбрать определенную коммуникативную стратегию, осознанно осуществить выбор слова, фатических средств и т. д.», тем, что «Говорящий осознает и сам факт внимания к своему речевому поведению, и значимость самого данного коммуникативного события», а также отсутствием обстоятельств, которые бы провоцировали спонтанное коммуникативное поведение [Перфильева, 2006, с. 10–11].

выполняющие различные функции организации текста и его адекватного авторскому замыслу восприятия [Перфильева, 2006]. Существенную роль в выявлении замысла играют операторы особого рода, маркеры значимости событий, которые можно назвать лексическими средствами фокусного внимания (см. о термине «фокусное внимание» как о дискурсивном феномене в работе А. А. Кибрика [Кибрик, 2003, с. 28]). Данные маркеры значимости включаются в контексты, которыми описываются три типа эмоционально значимых ситуаций. Первая группа фрагментов указывает на увлеченность автора и его круга чтением: *Меня увлекала тригонометрия, математика вдруг перестала быть мучением, и **особенным увлечением** неожиданно стала литература. Я **зачитывался** Достоевским; Вообще мы очень **много читали, прямо как опьяненные**. За последние два школьных года я перечел собрание Толстого, отец мне купил двенадцатитомник Достоевского. У нас в семье детям **дарили только книги**. На это денег ни при каких обстоятельствах не жалели. А **читал я как осатанелый**.*

Вторая группа маркированных фрагментов описывает университетский период: *Время между началом университетских занятий и призывом меня в армию было, без каких-либо преувеличений, **счастливейшим временем**... В университете всё для меня было **сказочно прекрасно**; Я **восстановился** в университете и с **какой-то жадностью алкоголика принялся за работу**. Из университета я бежал в Публичку и сидел там до самого закрытия. Это было **совершенно осязаемое чувство счастья**. Надо было определять семинар.*

Третья группа фрагментов связана с научной работой: ***Ничего не переживал я в жизни увлекательнее**, чем эта тогдашняя работа над статьей «Карамзин в „Вестнике Европы“»... Я занимался поисками источников. **Было совершенно несравнимым ни с чем наслаждением** сидеть в пустой комнате Публичной библиотеки, где стояли французские журналы, и рыться в них, пока не начнут выгонять. <...> Эта оставшаяся неопубликованной статья — до сих пор у меня **самая любимая**; Я искренне воспринял ситуацию как **идиллию**: работа со студентами доставляла **огромное удовольствие**, хорошая библиотека позволяла **энергично продвигать** вперед главы диссертации, в основном уже написанной, дружба с кругом молодых литературоведов, в эту пору обитавших в Тарту, — всё это создавало у меня **ощущение непрерывного счастья**.*

В этих и подобных фрагментах маркеры значимости переживаний/событий выявляют смыслы исключительности, уникальности переживания (*особенное увлечение, сказочно прекрасно, совершенно осязаемое чувство счастья, действительно счастливые минуты, совершенно несравнимое ни с чем наслаждение, идиллия* и др.) и/или высшей стадии, высокой интенсивности (*зачитывался, читали как опьяненные, читал как осатанелый, счастливейшее время, с жадностью алкоголика, ощущение непрерывного счастья* и др.).

В описания фронтовых событий Ю. М. Лотман включает целый спектр негативных переживаний — *стыда* в ситуации отступления, чувство *отвращения* к «повальным грабёжам» в Германии и *физиологического отвращения* ко вшам⁵. Чувству страха, точнее борьбе с ним, уделяется особое внимание: *На фронте не так страшно, как кажется, когда описываешь или читаешь о нем в книгах. Вообще лучший способ избавиться от страха — это погрузиться в то, что этот страх вызывает. Если боишься передовой, чтобы избавиться от мучительного чувства, поезжай на передовую... Да и война не так страшна, как когда ожидаешь или вспоминаешь о ней на дистанции. Погружение в нее — лучшее лекарство от страха.*

В другом случае Ю. М. Лотман связывает в один узел переживания войны и мирной жизни: *Несмотря на все эти «веселости», переживания были очень тяжелые — мы все рвались домой и вместе с тем понимали, что мы отвыкли от той жизни, которая нас ждет, не имеем никакой профессии и едем в неизвестность.* Именно это предложение окажется ступенькой, логическим звеном, позволяющим естественно перейти от военных событий к мирному периоду, который у автора всецело связан с продолжением обучения в университете и наукой.

Оценка самого себя у Ю. М. Лотмана встречается существенно реже, но и здесь видно закономерное противопоставление военного периода и мирного. На войне автор себя, свою службу связистом оценивает резко негативно: *Я побежал по линии (проклятая судьба связиста — когда все поглубже затираются в ровики, он бежит по линии и связывает перебитые провода).* Или мы видим самооценку автора как не очень умелого

⁵ В «Не-мемуарах» даже есть один выделенный озаглавленный текст («текст в тексте») — «Борьба со вшами».

рассказчика, которая позволяет ему завершить военное повествование и перейти к другому значимому этапу: *Поскольку я не обладаю необходимой способностью показать в событии его причастность истории, дальнейшие рассказы о войне можно закончить.*

Позитивная самооценка встречается один раз, она передается через чужое описание: *По крайней мере, когда после войны в солдатской шинели и немецких сапогах я пришел в университет, то в коридоре перед деканатом увидел В. Я. Проппа и поздоровался с ним. Посмотрев на меня (в моей длинной шинели, думаю, вид у меня был совсем не марциальный, пользуясь выражением Петра I), он поздоровался и сказал: «Постойте-постойте. Вы — брат Лиды Лотман. Нет, вы сами — Лотман»... Среди разных наград и поощрений, которыми меня щедро и, боюсь, не всегда заслуженно дарила жизнь, слова Проппа я запомнил как одну из ценнейших.*

Оценочное высказывание В. Я. Проппа «Нет, вы сами — Лотман», т. е. чужая оценка ⁶, позволяет выполнить несколько задач: она «участвует в выражении (подкреплении, мотивации) самооценки пишущего» [Трипольская, 2013, с. 76], выражает признание своему учителю, а также, в рамках установленной нами логики текста, демонстрирует эту значимость профессиональной линии (несмотря на прошедшие годы, его помнят в университете, следовательно, он выбрал свою профессию неслучайно) и дает плавно перейти от темы войны к повествованию об университете ⁷.

При использовании сравнительных оборотов в тексте «Не-мемуаров» обнаружена дистрибуция: риторический прием сравнения используется только для описания войны. Пытаясь сделать свое изложение войны, военных событий доступным для молодых людей, при передаче военных историй автор «Не-мемуаров» использует самые разнообразные языковые способы сравнений и аналогий, как то:

— придаточное сравнительное (*Фактически окружением назвать это было нельзя, как слоеный пирог нельзя назвать кренделем. Это было подвижное состояние перепутанных между собою армий, которые всё время стремились образовать нечто, что можно было назвать словом из военного учебника — «фронт»*);

⁶ О различных функциях чужой оценки см. работу Т. А. Трипольской [2013].

⁷ Точнее, вернуться к теме университета, обучение в котором прервала война.

— причастный оборот (...«юнкеры» из треугольного построения вытягиваются в линию. Дальше происходит прекрасно нам известная своим строгим, хорошо соблюдаемым ритуалом процедура, очень **напоминающая поведение хищных животных или насекомых**);

— грамматический предикат со сравнением (Армия — **как Ноев ковчег**. В ней всякой твари по паре; ...образ полка постоянно присутствовал **и был как бы тем стеклом**, сквозь которое просматривался весь остальной мир: направление, задачи, характер действий — всё было предпринято);

— самостоятельное предложение с семантикой уподобления (Летчики пикируют артистически, поворачиваются почти у самой земли — наши никогда так не пикируют. Самолет как гипнотизер приковывает взгляд, оторваться невозможно. Наверное, **то же написали бы кролики о свидании с коброй**).

Возможны и менее традиционные способы проведения аналогии, такие как попутная отсылка к фильмам Хичкока во вставной конструкции: *Это необходимо для того, чтобы убедить человека, что страх рождается не объективными условиями (величиной опасности), а нашим к ним отношением. (Кстати, это прекрасно демонстрируют фильмы ужасов. Если дешевые фильмы порождают страх зрителя чудовищными кадрами, то Хичкок блестяще показал, что любой предмет, бытовой и безопасный, можно снять так, что зритель окажется на краю инфаркта от ужаса). Или же цитата, выполняющая функцию иллюстрации: Не могу не сознаться, что тогда это не произвело на меня особенного впечатления. Как сказал М. М. Сперанский Г. С. Батенькову: «На погосте живучи, всех не оплачешь».*

Интересно, что если риторический прием сравнения Лотман использует для описания военных ситуаций, то метафора применяется им в контекстах о профессиональной деятельности филолога. При этом к метафорам Лотман относится очень аккуратно, не множит их и не разбрасываясь ими: на весь 44-страничный текст встречается только четыре авторские метафоры. Рассмотрим каждую из них.

Первая метафора, маркируемая кавычками, обозначает важный жизненный момент автора — изменение профессиональной ориентации: *Не без влияния обаяния Саши Данилевского я собрался стать энтомологом и усердно читал специальную литературу... Итак, с насекомых я «переселился» в русскую литературу. Под влиянием Ефима Григорьевича*

и Толи Кукулевича у меня пробудился интерес к литературе и — шире — к филологии вообще.

Вторая метафора связывает войну и мирную жизнь, т. е. позволяет перейти от темы войны к профессии (этот прием «ступеньки» уже был описан нами выше): *Теперь создалась принципиально иная обстановка. Необходимо было самому решать свою судьбу. Мы ушли в армию мальчишками, вернулись взрослыми мужчинами. <...> Одна из особенностей была в том, что когда ледоход времени раскалывал и разносил льдины, то очень часто на разных льдинах оказывались люди, всё еще не забывшие совсем недавних фронтовых связей.*

Третья метафора так же, как и первая, обозначает важный профессиональный этап, связанный с созданием московско-тартуской семиотической школы: *Научное творчество в эти годы развивалось исключительно быстро, особенно в Москве и Ленинграде. В Москве вокруг Вяч. Вс. Иванова возник целый круг молодых и исключительно талантливых ученых. Это был какой-то взрыв, сопоставимый лишь с такими культурными всплесками, как Ренессанс или XVIII век.*

И последняя метафора, которая используется в финальном абзаце текста, обозначает кризис в созданной им семиотической школе. Ю. М. Лотман привлекает образ змеи для описания динамики, разнообразных изменений — как позитивных, так и негативных — своей «тартуской школы», своей теории семиотики и культуры: *Змея растет, сбрасывая кожу. Это точное символическое выражение научного прогресса. Для того чтобы остаться верным себе, процесс культурного развития должен вовремя резко перемениться. Старая кожа делается тесной и уже не защищает, а тормозит рост. На протяжении научной жизни мне вместе с тартуской школой приходилось несколько раз сбрасывать старую кожу. Самый близкий пример — это трудности ее теперешнего состояния, когда почти весь состав переменялся, пополнившись новым поколением. А старое поколение заметно сходит со сцены.*

Змея является одним из самых нагруженных амбивалентными смыслами символов, и, обращаясь к этой метафоре, Ю. М. Лотман выражает сильнейшую степень любви, привязанности и уважения к молодому поколению, наследникам традиций семиотической школы. Более того, этот последний абзац, поскольку никак прямо не связан с предыдущим, указывает на используемую автором фигуру умолчания (автор намеренно не проговаривает какую-то значимую для себя, своих коллег информацию

и дает это понять). Поскольку Н. П. Перфильева пишет, что «одним из вариантов осознанного речевого поведения является создание подтекста» [Перфильева, 2006, с. 11], этот фрагмент «Не-мемуаров» мы также будем относить к яркой демонстрации осознанного речевого поведения Ю. М. Лотмана.

Итак, в военных рассказах Ю. М. Лотман не злоупотребляет метафорой, как и в собственно научном тексте, наделяя её особыми функциями — гносеологической и экспрессивной⁸. Все использованные метафоры маркируют ситуацию резких изменений: смены профессиональных интересов, смены военного времени на мирное, смены научной парадигмы (структуралистской на культурно-семиотическую), смены лидеров в научной школе — все метафоры связаны с идеей движения, изменения, заменой старого на новое, трансформации, причем эта трансформация представлена как стадия решения конфликта.

Метатекст и автокомментарий в «Не-мемуарах» так же, как и сравнения, маркируют военную тему. И также они призваны сделать текст более понятным и доступным современникам — молодым людям, знающим войну через описания старших. Лотман демонстрирует колоссальное внимание к слову: как мы упоминали выше, сама лексема «слово» занимает второе место по частоте употребления в тексте. Так Ю. М. Лотман следует своей установке на значимость адресата в процессе порождения текста: «Значительно более интересным представляется обратить внимание на конкретные механизмы взаимоотношений текста и его адресата. Очевидно, что при несовпадении кодов адресанта и адресата (а совпадение их возможно лишь как теоретическое допущение, никогда не реализуемое при практическом общении в абсолютной полноте) текст сообщения деформируется в процессе дешифровки его получателем» [Лотман, 1977, с. 55].

Война и военный быт, точнее речевые обороты того времени оказываются предметом собственно лингвистического комментария Ю. М. Лотмана. Лингвистический метатекст в «Не-мемуарах» можно свести к трем группам: первая группа контекстов связана с толкованием терминов, профессионализмов, военного жаргона и под., вторая —

⁸ О прагматике метафоры в научном тексте см. работу Н. А. Мишанкиной [2015].

с лингвистической характеристикой тех или иных речевых оборотов участников описываемых событий. В третью группу стоит отнести все случаи комментирования употребления нецензурной брани на войне, а также различные способы избегания Лотманом подобной лексики в повествовании.

Автор анализирует стремительную полисемию лексемы *пикировать*: *Определяющее слово сорок первого — лета сорок второго года было «пикировать». Этим словом можно было обозначать почти всё: «спикировать» могло означать «украсть», могло означать «удрать на какое-то мероприятие», например «спикировать к бабам» или же «завалиться спать» («пока вы чапали, я тут спикировал»), «уклониться от распоряжений начальства» и т. д. Обычно оно означало некое лихое действие, которым можно похвастаться. <...> Были потом и другие такие слова, по которым мы сразу узнавали, с нашего ли фронта человек или нет, — своего рода жаргон.*

Последняя фраза в этом фрагменте указывает на функцию идентификации военного жаргона (с нашего ли фронта человек или нет). Автор выявляет и другие его функции, например эвфемистическую: *И тогда к формуле «отошли на исходные» — теперь уже реальной — прибавляли: «двадцать, тридцать и т. д. палочек упали» — так зашифровывались потери, потери людьми, которые были очень велики; Прямые же значения слов табуировались. Так, например, существовало устойчивое табу на слово «украсть». Оно казалось отнесенным к другой — гражданской и мирной — и оскорбительной семантике. Или такой сопутствующий признак развивающейся многозначности в военной среде, как «становиться модным»: У нас тогда с отвратительным для нас шиком распространилось и даже сделалось модным употреблявшееся в немецкой армии выражение для обозначения грабежа «организовать»; например, «организовать себе радиоприемник», «организовать новые сапоги». С переходом на территорию Германии это выражение вошло в моду и означало войти в дом и забрать себе те или иные вещи.*

Описание автором полисемии может вызывать юмористический эффект. Так, Ю. М. Лотман приводит пример наложения прямого и переносного значений лексемы *сматывать* (катушки и удочки): *Пока я протираю глаза, мне в уши кричали, что немцы прорвали фронт на запад от нас и ушли глубоко в тыл, что мы практически опять в окружении и надо срочно сматывать. «Сматывать» в данном случае имело два значения:*

«сматывать удочки», то есть драпать, и сматывать катушки с телефонным проводом. В случае отступления оба значения сливались.

В тексте даются и значения малоизвестных для широкого круга читателей терминов, например: *сорокапятки* — «45 мм или противотанковые пушки»; «*рама*» — «немецкий разведывательный двухмоторный самолет „хейнкель“, названный так потому, что у него между крыльями и хвостовым оперением фюзеляж раздваивается»; «*Юнкерс-87*» — «пикирующий одномоторный, очень хороший самолет, пикирует прямо вертикально со страшным ревом и очень точно бросает бомбы».

В описании военного языка затрагиваются практически все характеристики словоупотребления: динамический аспект в лексиконе (слово «офицер» **тогда не было принято; затем** слово «окружение» стало одним из самых употребительных у нас); прямое или переносное употребление (Мы удерживали южный берег, но слово «удерживали» здесь можно употребить только **метафорически: пехоты у нас почти не было**); экспрессивность речевого поведения (Страшные потери часто были очевидно лишними и подсказаны были погоней за **эффектными** фразами в рапортах); ограниченный характер словоупотребления (Как потом, «драпая», — наши **технический термин** для обозначения отступления — стыдно было вспоминать эти минуты!).

В квалификации нецензурной брани в военном общении Ю. М. Лотман называет далеко не очевидную, не лежащую на поверхности функцию, игровую: *Замысловатый, отборный мат — одно из важнейших средств, помогающих адаптироваться в сверхсложных условиях. Он имеет бесспорные признаки художественного творчества и вносит в быт игровой элемент, который психологически чрезвычайно облегчает переживание сверхтяжелых обстоятельств.* Кроме этого, отмечаются и многомерные выразительные возможности данной страты русского языка, которые объясняют широкое использование его носителями в экстремальных ситуациях: *Все эти оттенки чувств передаются средствами русского мата, который прекрасно выражает их и превосходно понимается слушателями.*

Безусловно, в своем тексте Лотман избегает использования матерных слов. Но при этом различными способами дает читателю понять, какие именно лексемы (или группы слов) были использованы участниками тех или иных событий:

— традиционное опущение, когда на месте пропущенных слов ставится многоточие (*Когда мы ставили какие-то сцены из античного театра и в глубине были установлены изготовленные мною декорации, изображающие античных богинь, то начальник политотдела, думая, что это мы выгребли из запасов немецкого театра в подвале, сказал: «А эту немецкую... — убрать немедленно»*);

— описательная характеристика использованных элементов (*Используя колоритные средства солдатского языка, мы обсуждали, что будем в этом случае делать, имея всего пять снарядов; ...и попал под густой, сконцентрированный обстрел. Не помню, какими словами я выражал свои чувства, но могу представить, что это была та лексика, которую лингвисты иногда именуют экспрессивной; При этом я во весь голос дико выкрикивал самые непечатные ругательства*);

— замена нецензурного маскирующими элементами (*«Понимаешь, Юрка [мы уже были на „ты“ и по именам], — не сказал, а буквально прорыдал он, — не берут. Я восемь раз попадал в танк, а ему [сменил лексику] хоть бы хны»; С утра пьяный, он звонил... кричал спьяна: «Это ты, Лотман [называть фамилии было не положено], так-так-так! Скажи своим [речь шла о начальнике штаба дивизиона Пастушенко], чтобы они так-так-так высотку заняли так-так-так-так к следующему звонку [то есть к следующему „петушку“]»*).

В последнем фрагменте использование *так-так-так* напоминает современное «запикивание» в звучащем тексте нецензурных элементов, когда не просто опускается нежелательное, а указываются его границы и место в высказывании. Т. Г. Винокур в исследовании указывает на важную черту осознанного речевого поведения, на явление стилистических переходов и ориентацию на двойного адресата [Винокур, 1993, с. 118–120]. Языковая личность Ю. М. Лотмана в полной мере соответствует такой характеристике: его адресат одновременно и профессиональное филологическое сообщество, и широкий круг интеллигенции, и молодое поколение, не знавшее войны.

В целом лексический состав «Не-мемуаров» со стилистической точки зрения — нейтральная и книжная лексика, в том числе термины (военные, филологические), изредка встречается высокая лексика (только фразеологические единицы): *льщу себя надеждой, пили мертвую чашу*.

На использование разговорных и просторечных элементов в «Не-мемуарах» запрета нет. Часть из них автор берет в кавычки, маркируя

нетипичность словоупотребления: «хлюпиком», «драпать», «дуром». В других случаях разговорные слова используются без кавычек: *барахло*, *шалеть* и др. Просторечные лексемы встречаются гораздо реже, при описании очень тяжелых военных ситуаций: *подохнуть*, *морды*, *обрыдло*.

Как правило, и разговорные, и просторечные слова используются в описании военной жизни. И стоит подчеркнуть, что использование разговорных элементов в описании мирной жизни в каких-то аспектах уравнивает ее и войну. См., например, следующие фрагменты, связанные с обыском: *Этот хвост за мной тянулся еще очень долго и, в частности, послужил основанием тому, что длительное время мне не разрешали заграничных поездок...; Я чувствовал себя поганно, поскольку напряженно ожидал, когда же они доберутся до рукописей Горбаневской. Или о ситуации долгого поиска работы после окончания университета, когда место не находилось из-за «пятого пункта»: Однажды встретившись с Олей, мы заговорили о наших делах, и она, узнав, что я долго и безуспешно ищу работу, что мне это в высшей мере обрыдло, что я хочу плюнуть и уехать куда-нибудь из Ленинграда.*

И, наконец, речевое поведение в конфликте Ю. М. Лотмана характеризуется как куртуазное (см. классификацию языковых личностей у К. Ф. Седова [1996]): *Первое, что мне бросилось в глаза, — на полках большое количество пропавших у меня книг. Я повел себя несколько театрально, в духе маркиза Позы, о чем сейчас, может быть, стыдно сказать, но из песни слова не выкинешь. Я сделал театральный жест и произнес голосом шиллеровского героя: «Вам нужны эти книги? Я вам их дарю!» (конечно, надо было себя вести проще, но тогда я себя повел так; видимо, именно эта театральность произвела некоторый эффект). После этого я повернулся и опять-таки голосом маркиза Позы сказал, кажется, что-то в таком духе: что если в его душе есть остатки чести, он должен до вечера принести мне рукопись Булгакова, что шарить у него и делать обыск я не собираюсь. После этого я ушел.*

Подведем итоги. Ведущая, профессиональная, идентичность Ю. М. Лотмана в «Не-мемуарах» подчиняет себе основное повествование о службе во время войны, что отражено в таких существенных структурных регистрах текста, как его композиция, средства когезии и стилистическая дистрибуция повторяющихся элементов. Во-первых, при описании военных ситуаций автором используются различные способы сравнений и аналогий, а к описанию мирной жизни, т. е. учебы и работы,

привлекаются немногочисленные метафоры. Во-вторых, только при описании войны используются различные приемы маскировки нецензурной брани, а также естественный переход в зону разговорной и просторечной лексики. В-третьих, только при описании своих профессиональных интересов используются различные маркеры позитивного фокусного внимания, речевых элементов эмоциональной значимости в тексте. Таким образом, языковая личность Ю. М. Лотмана характеризуется осознанным речевым поведением, а именно стилистической гибкостью, куртуазностью, установкой на адресата и просветительский характер повествования, эмоциональностью и искренностью.

Список литературы

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5, стереотип. М.: КомКнига, 1981. 144 с.

Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук / Институт языкознания РАН. М., 2003. 90 с.

Лапто М. А. Кого можно назвать носителем элитарной речевой культуры? // Русская речь. 2014. № 4. С. 67–72.

Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам IX / Учен. зап. Тартуского ун-та. 1977. № 422. С. 55–61.

Мишанкина Н. А. Прагматика научного дискурса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 126–132.

Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю. М. Лотмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 19 с.

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 285 с.

Салимова Л. М. Отражение лингвокультурной ситуации в дискурсе Ю. М. Лотмана как академической языковой личности // Перевод. Язык. Культура: мат-лы XI межд. науч.-практич. конф. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 236–241.

Салимова Л. М. Перспективы изучения Ю. М. Лотмана как элитарной языковой личности: лингвокультурологический подход // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 8 (61). С. 98–101.

Седов К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Вып. 26. Язык и человек. Саратов: Гос. учеб.-науч. центр «Колледж», 1996. С. 8–14.

Силантьев И. В., Шатин Ю. В. Дискурс и стереотип // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 10–17.

Трипольская Т. А. Языковая личность в свете эмоционально-оценочной деятельности: чужая оценка в дневниковом дискурсе К. И. Чуковского // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 2. С. 70–77.

References

Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Izd. 5, stereotip. Moscow, KomKniga, 1981. 144 p. (in Russ.)

Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive* [Discourse analysis from a cognitive perspective]: dis. ... d-ra filol. nauk / Institut yazykoznanija RAN [Dr. of Sci. (Philol.) diss. / Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2003. 90 p. (in Russ.)

Lappo M. A. *Kogo možno nazvat' nositelem ehлитarnoj rechevoj kul'tury?* [Who can be called a bearer of elite speech culture?]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2014, no. 4, pp. 67–72. (in Russ.)

Lotman Yu. M. *Tekst i struktura auditorii* [Text and audience structure]. *Trudy po znakovym sistemam IX / Uchen. zap. Tartuskogo un-ta* [Works on sign systems IX / Scientific Notes of Tartu University], 1977, no. 422, pp. 55–61. (in Russ.)

Mishankina N. A. *Pragmatika nauchnogo diskursa* [Pragmatics of scientific discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 2015, no. 2 (24), pp. 126–132. (in Russ.)

Parsamova V. Ya. *Yazykovaya lichnost' uchenogo v ehпistoljarnykh tekstakh: na materiale pisem Yu. M. Lotmana* [The linguistic personality of a scholar in epistolary texts: Based on the letters of Yu. M. Lotman]: avtoref.

dis. ... kand. filol. nauk [The abstract of Cand. of Sci. (Philol.) diss.]. Saratov, 2004. 19 p. (in Russ.)

Perfileva N. P. Metatekst v aspekte tekstovykh kategorij [Metatext in the aspect of text categories]. Novosibirsk, Izd-vo NSPU, 2006. 285 p. (in Russ.)

Salimova L. M. Otrazhenie lingvokul'turnoj situacii v diskurse Yu. M. Lotmana kak akademicheskoj yazykovoj lichnosti [Reflection of the linguo-culturological situation in the discourse of Yu. M. Lotman as an academic language personality]. In: Perevod. Yazyk. Kul'tura [Translation. Language. Culture]: Mat-ly XI mezhd. nauch.-praktich. konf. St. Petersburg, Izd-vo LGU im. A. S. Pushkina, 2020. Pp. 236–241. (in Russ.)

Salimova L. M. Perspektivy izucheniya Yu. M. Lotmana kak ehлитarnoj yazykovoj lichnosti: lingvokul'turologicheskij podkhod [Prospects of studying Yu. M. Lotman as an elitist linguistic identity: A linguistic and cultural approach]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Bulletin]*, 2014, no. 8 (61), pp. 98–101. (in Russ.)

Sedov K. F. Tipy yazykovykh lichnostej i strategii rechevogo povedeniya (o ritorike bytovogo konflikta) [Types of linguistic personalities and strategies of speech behavior (on the rhetoric of everyday conflict)]. *Voprosy stilistiki. Vyp. 26. Yazyk i chelovek [Questions of stylistics. Issue 26. Language and man]*. Saratov, Kolledzh, 1996, pp. 8–14. (in Russ.)

Silantev I. V., Shatin Yu. V. Diskurs i stereotip [Discourse and stereotype]. *Kritika i semiotika [Critique and Semiotics]*, 2014, no. 1, pp. 10–17. (in Russ.)

Tripolskaya T. A. Yazykovaya lichnost' v svete ehemocional'no-ocenочноj deyatelnosti: chuzhaya ocenka v dnevnikovom diskurse K. I. Chukovskogo [Lingual identity in aspect of emotional-evaluating activity: another's evaluation in K. I. Chukovskiy's diary discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. Series: History, Philology]*, 2013, vol. 12, no. 2, pp. 70–77. (in Russ.)

Vinokur T. G. Govoryashchij i slushayushchij. Varianty rechevogo povedeniya [The speaker and the listener. Variants of speech behavior]. Moscow, Nauka, 1993. 172 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Марина Александровна Ланно, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Marina A. Lanno, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 19.01.2026;
одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 27.04.2026
The article was submitted on 19.01.2026;
approved after reviewing on 12.02.2026; accepted for publication on 27.04.2026*